

Д А, ЕСТЬ такая земля — Сибирь! Земля, которую не сразу охватишь взглядом даже на школьной географической карте. Земля, озаряемая мириадами электрических огней, таких бесконечных, что ночью из иллюминатора самолета кажется, будто на тайгу опрокинулся Млечный Путь. Эта земля грохочет каскадами плотин, колышется морской ширию хлебных полей, обжигает дыханием мартонов, и зримой, стальной «параллелью» стремится сегодня пересечь ее меридианы траса мужества — БАМ.

Что за чудо встало, разбудило, заставило развернуться во всю исполнимую мощь вчерашнюю глухомань — землю таежных троп, охотничьих заимок и редких, как островки, деревень?

Сибири крепко повезло на мужественных людей, на людей настоящих, как бы несущих свет. Еще живы березы, посаженные декабристами! Я видел под Иркутском эти старые, как бы источающие белое свечение деревья. Не потому ли на память оставлены именно березы? А с другой стороны, откуда, казалось, тянутся над тайгой высоковольтные провода, в сумерках далеких лет беззвучно огонек керосиновой лампы в ленинском домике Шушенского. Удивительно — революционеров отправляли на погибель, а они возвращались из Сибири волшебной одавленным богатирской силой! Сибирская земля озаряла людей, а они озаряли бескрайнюю суровую Землю, ту самую, о которой еще Ломоносов сказал: «Российское могущество прирастать будет Сибирью». В них, кто в давние времена до глубины сибирских руд мечтал о заре племени счастья, кто зажег зарю новой эпохи в Октябре семнадцатого года, кто сегодня,

врубаясь в тайгу, строит новые заводы и города, — источник великой энергии, преобразующей испоконный край.

Обо всем этом начинаешь раздумывать, перечитывая выдвинутый на соискание Ленинской премии роман Георгия Маркова «Сибирь», который охватывает,

СВЕТ СИБИРСКОЙ ЗЕМЛИ

НА СОИСКАНИЕ
ЛЕНИНСКОЙ
ПРЕМИИ

казалось бы, небольшой отрезок времени — предреволюционные 1916—1917 годы. Сибирь в канун февральской революции — так можно было бы обозначить роман в аспекте исторического летоисчисления нашей страны. Но в том-то и ценность подлинно художественного произведения, что оно аккумулирует в себе гораздо более того, что обозначено протяженностью действия, и, как бы ни было оно ограничено, мы во всей многомерности ощущаем нерасторжимую связь времен.

Таков и роман «Сибирь», подключающий к нашему восприятию и предисторию героев, в нем не показанную, и их будущее, которое стало нашим настоящим.

Впечатление большей, чем простое количество романых страниц, исторической объемности, на мой взгляд, складывается еще и потому, что «Сибирь» выросла на почве, художественно освоенной романами «Строгов», «Соль земли», «Отец и сын». Каждый крупный писатель создает как бы свою вселенную. Во «вселенной» Георгия Маркова эти романы, как планеты, взаимовлияя, движутся по законам единого творческого гения. По времени действия «Сибирь» находится где-то между «Строговыми» и «Солью земли», в которой, как и в более позднем романе «Отец и сын», мы видим по существу Сибирь наших дней — в размахе изыскательских работ, в предощущении великих перемен. Но писателю не хватало «недостающей» планеты, в которой отразилось бы все, открытое предыдущими поисками. Так он пришел к «Сибири».

Объясняя проблематику романа, Георгий Марков высказался однажды, что его очень интересовало отношение сыновних революционеров-большевиков к изучению, исследованию природных богатств Сибири. Эта огромная проблема исторической важности, за которой просматриваются принципиальные черты революции, программа большевиков по социалистическому преобразованию страны, обозначила новый творческий замысел.

Сейчас, когда роман получил благодарное читательское признание, думаешь о том, что эта книга могла быть написана лишь человеком, связанным с землей сибирской корнями родства, сыновнему отзывчиво разделившим с ней радости и невзгоды, а говоря точнее, приходишь к мысли, что эта книга не могла быть им не написана. Есть жизненный материал, подвластный

руке как бы любого художника, — все зависит от степени таланта и мастерства. Но — обратите внимание — о Сибири художественно полномерно пишут пока что только ее «земляки». Они упорно осваивают гигантский материк человеческой воли, силы и духа. Верным ревнителем Сибири был и остается Георгий Марков.

Впрочем, это не только приверженность родства, — точка приложения творческих сил определена гражданским, партийным призванием писателя, ибо в судьбе Сибири, как, быть может, в судьбе никакого другого края нашей страны, выразился так ярко и впечатляюще созидательный дух ленинизма, его пафос строительства нового мира. Сам жизненный материал, объект художественного изображения задали масштаб: широту и дальность писательского мышления.

Эпически прост, на первый взгляд, сюжет романа. Это определило и художественные средства: скупые, яркие, выразительные. Автор словно нарочно выпрямил главную линию действия: мы с волнением следим за «этапами пути» бежавшего из ссылки большевика Ивана Акимова, который пробирается в Стокгольм, чтобы помочь крупному ученому, профессору Лихачеву сохранить для грядущей революции его труды — результаты многолетних исследований природных богатств Сибири. Но чем дальше рассказывается история побега, тем все больше действующих лиц присоединяется к этой прямой, главной линии, которая становится столь разветвленной, что начинаешь ощущать движение не одного героя, а народной жизни, все богатое и разнообразное ее содержание, видишь людей — самых непо-

хожих — в их множественных связях с обществом, прошлым, настоящим и будущим.

Сыновняя преданность писателя отчетливо выразилась не только в обилии очень ему дорогих, неповторимых лиц, но и в самой поэтической интонации повествования, с какой выписаны пейзажи, показан колоритнейший сибирский быт.

Нет, они совершенно непохожи, даже люди одной среды — и старый подпольщик Федор Горбачев, и его дочь Поля, делающая в революционной борьбе лишь первые шаги, и настроенная романтически революционерка Катя Ксенофонтова. Чем-то близки им по духу исповедующая народную мораль древняя Мамика, правдоискатель Окентий Свободный, поселенец Федот Федотович, труженик таежной деревушки Степан Лукьянов. И на другом, противоположном полюсе стоят живущие рядом, бок о бок, торговец Епифан Криворуков, его жена Андиса и упыри-скопцы, олицетворяющие мир собственности, жестокости и несправедливости.

«Рентген», просвечивающий души всех персонажей романа, — прежде всего отношение к нравственным ценностям, к человеку и к конечному счету к будущему Сибири и всей страны. Еще не в прямое, а внутреннее, подспудно копящее силы противоборство вступают два лагеря, две морали: одна, несущая таежному краю свет революции, впитавшая все лучшее, что даровала ей сибирская жизнь, другая — ради наживы готовая на преступление. Побеждают те, кто подобно Ивану Акимову бережет затравленный день Родины — даже в дни побега он продолжает изыскательские работы. Грядет новая жизнь! И потому силу по-

этического символа обретает пейзаж, увиденный Полей на долгом санным пути.

«Куда ни кинь взгляд — снег, снег, снег. Бело до рези в глазах. Не только озера и реки, луга и гривы запорошены снегом — прибрежные леса и те тонут с макушками в сугробах... Как ни силен тут временами мороз, как ни беснуется вьюга, а все же наярмская земля живет своей подспудной жизнью. Нет в природе сил, которые могли бы заковать ее намертво. Бурные пятна на снегу — не больше, не меньше, как наледь. Бьют из-под земли ручьи, выбрасывают на поверхность ржавую воду, и никакой снег не может пригасить этот густо-рыжий, с красным отливом цвет».

Бурный поток революции уже бил в недрах народной жизни, его почувствовал и профессор Лихачев, в мучительных раздумьях пришедший к выводу, что лишь партия большевиков «в состоянии поднять производительные силы Сибири, вдохнуть в ее просторы жизнь и действие...» Эти заключительные строки профессорских записок Иван Акимов читает в зимний вечер семнадцатого года. Закрываешь роман, а думаешь о том, что говорилось о Сибири совсем недавно, на XXV съезде партии. Комплексные программы, освоение новых районов... Ведь именно этот край будет поставлять в общесоюзный баланс около половины нефти и природного газа!

...Сильный большевик, наносивший в заснеженной заимке на деревянную досочку карту полезных ископаемых, и строчки, записанные в решениях партийного съезда. Вот масштаб, художественная концепция романа. Его обращенный в наш день пафос. Его свет.

Виктор СТЕПАНОВ.